

Ты стал небожителем, а я не останусь ради тебя в мире смертных

Прежние беспорядки утихли слишком легко, почти буднично. Кровопролитные сражения на древних полях битв могли длиться тысячелетиями, а нынешний мятеж не продержался и полугода. Всё закончилось настолько быстро, что у богов невольно возникло ощущение обманчивой лёгкости, будто они били по тени, не встречая сопротивления. Впрочем, небожители не стали терзаться сомнениями: они решили, что великие демоны и древние чудовища, истомлённые десятками тысяч лет заточения в Царстве демонов, просто растеряли былую мощь.

Однако спустя пять лет после того, как в Царстве демонов воцарился мир, беда пришла снова.

Сначала волнения охватили Мир смертных и Мир духов; дошло до того, что целое человеческое государство в одночасье превратилось в логово демонов. Как оказалось, уничтоженные ранее монстры были лишь пешками, которых истинные предводители Тьмы бросили на убой. Сами же древние сущности за время заточения сумели изменить свою истинную природу, что позволило им незамеченными проникнуть в иные миры.

Они слишком долго таились среди людей, исподволь взращивая свои силы, и когда наконец нанесли удар, Царство богов просто не успело среагировать — процветающая страна уже стала обителью зла.

Но и это было не всё: древние твари заняли места нынешних Царей яо и Владык демонов. Прежде эти миры не враждовали с Небесами открыто, но теперь, когда к власти пришли выходцы из бездны, они встали в прямую оппозицию Царству богов.

Это было тщательно спланированное пробуждение, застигнувшее всех врасплох.

Последние пять лет Цзинь Яо почти не покидал чертоги Куньлуня, но теперь даже он был вынужден отправиться на подавление мятежа.

И дело было даже не в его желании: именно Его Превосходительство когда-то заточил этих чудовищ в Царство демонов (яомо), обрекая на тысячелетия страданий. Они ненавидели его до глубины души, мечтая в буквальном смысле разорвать его плоть на куски. Любой другой бог мог бы остаться в стороне, но только не он.

Если раньше Чао Цы был вынужден видеть Цзинь Яо каждый день, то теперь они встречались раз в три-пять месяцев.

На четвёртый месяц после начала великой смуты Чао Цы, как обычно, получил письмо от Чао Цзюэ.

В нём брат вскользь упомянул, что в последнее время чувствует себя неважно, и спросил, не сможет ли Чао Цы навестить его.

Чао Цзюэ знал, что Цзинь Яо забрал младшего брата на Небеса, но он и не догадывался, что тот томится в заточении. Брат полагал, что Чао Цы просто не может легко покинуть обитель богов.

Когда юноша дочитал письмо, сердце его болезненно сжалось.

Все эти годы они с братом старались не омрачать переписку жалобами, делаясь лишь добрыми вестями. И если сейчас Чао Цзюэ признался, что болен, и попросил о встрече... значит, его состояние было поистине отчаянным.

Чао Цы не находил себе места от тревоги.

Спустя полмесяца Цзинь Яо вернулся.

Он прибыл в спешке. На нём не было привычных белоснежных одежд — он сменил их на тяжёлое одеяние цвета воронова крыла. Когда божественный владыка вошёл в зал, его стремительные шаги сопровождал густой, удушливый запах крови. Чёрная ткань скрывала пятна, но по тому, как тяжело колыхались полы мантии, было ясно — одежда пропитана влагой.

Чао Цы сидел в плетеном кресле, но, увидев вошедшего, впервые за долгое время сам поднялся навстречу:

— Ты вернулся?

Цзинь Яо, поражённый такой переменой и кротостью в поведении юноши, поспешно подошёл и заключил его в объятия. Коснувшись кончиком носа лица Чао Цы, он негромко спросил:

— Неужели ты соскучился по мне?

Юноша промолчал. Лишь мгновение спустя он тихо задал вопрос:

— Как там... снаружи?

— Скверна распространилась слишком широко, — ответил Цзинь Яо. — Выкорчевать эти сорняки будет непросто, потребуется время.

Мятежники успели пустить корни слишком глубоко, вовлекая в свои сети множество существ;

некоторые до сих пор скрываются в тени, и найти их — задача не из лёгких.

— Брат писал мне в прошлом месяце... — голос Чао Цы дрогнул, в глазах застыла мольба. — Он болен. Могу я... навестить его?

Радость на лице Его Превосходительства мгновенно угасла.

Он плотно сжал губы и коротко бросил:

— Нет.

Теперь он понял, откуда взялась эта внезапная покорность.

К тому же мир сейчас был слишком опасен, и он ни за что не отпустил бы юношу одного.

Заметив, как мгновенно потускнел взгляд Чао Цы, бог невольно смягчился:

— Подожди ещё немного.

Он должен был сначала выследить тех, кто дёргает за ниточки в тени, и только тогда он смог бы спокойно вывести юношу за пределы Куньлуня.

— Но ведь... — Чао Цы отчаянно пытался возразить.

Слова Чао Цзюэ о «недомогании» не могли быть простой формальностью. Брат умирал. Чао Цы мог ждать, но было ли это время у Чао Цзюэ?

— Не упрямясь, — Цзинь Яо нахмурился. — Я велю посланнику передать в Мир смертных лучшие духовные снадобья. Тебе не о чем беспокоиться.

Чао Цы замолчал, понимая, что слова бессильны.

Он осознал, что Цзинь Яо не позволит ему уйти, и ему оставалось лишь молиться, чтобы снадобья помогли брату.

Пока он предавался печали, он почувствовал холодное прикосновение к своим губам.

А затем мужчина подхватил его на руки и унёс за тяжёлые полога постели.

Цзинь Яо, очевидно, выкроил лишь краткий миг в своём плотном графике, чтобы навестить пленника — он покинул чертоги ещё до рассвета.

Чао Цы написал ответ брату, объяснив, что пока не может вернуться, и просил его дождаться более благоприятного времени.

Письмо было отправлено, и юноша начал считать дни. В томительном ожидании и тревоге пролетел месяц.

На этот раз пришёл другой посланник.

Нехорошее предчувствие кольнуло сердце Чао Цы, но, вскрыв конверт и прочитав, что Чао Цзюэ стало лучше, он облегчённо выдохнул.

Брат, как и прежде, исписал несколько листов, делаясь новостями, и Чао Цы наконец смог немного успокоиться.

Пронеслось ещё семь или восемь месяцев. Цзинь Яо не возвращался в чертоги Куньлуня, и на душе у юноши стало почти спокойно.

Но постепенно он начал замечать странности.

В своих письмах он часто задавал брату обыденные вопросы: подшучивал над тем, что тот всё ещё не женился, вспоминал забавные случаи из их детства. Но вот уже несколько месяцев Чао Цзюэ никак не реагировал на эти слова. Его письма выглядели так, словно он говорил сам с собой, не замечая реплик собеседника.

Тревога нарастала, пока сегодня не пришло очередное послание.

В прошлый раз Чао Цы намеренно засыпал брата вопросами, и в этом письме на них наконец-то дали ответы, но... почерк был чужим!

С виду он казался почти идентичным письму Чао Цзюэ, но в наклоне штрихов и в том, как выводились окончания слов, чувствовалась какая-то скованность и неуверенность.

Холод, пробирающий до костей, сковал тело юноши. Он бросился в глубь покоев и вытащил все письма, присланные братом за последний год.

Его предчувствия не обманули. Это... это писал другой человек.

Любой другой не заметил бы подвоха, но за шесть лет в Куньлуне Чао Цы перечитал каждое слово брата сотни раз. Он знал этот почерк лучше своего собственного.

Он вышел к замершему в ожидании посланнику и твёрдо произнёс:

— Это письмо писал не мой брат.

— Как... как же так? — замялся тот. — Должно быть, господин Чао был слишком занят и попросил кого-то другого записать его слова под диктовку.

— Тогда почему он не сказал об этом прямо? Зачем было подделывать его руку, скрывая правду? — голос Чао Цы был подобен льду. Видя, что посланник собирается возразить, он добавил: — Да и письма за прошлые месяцы... В них не было ни одного ответа на мои вопросы. Словно тот, кто их писал, никогда не читал моих посланий.

Понимая, что оправдания больше не действуют, маленький небожитель понуро опустил голову и замолчал.

— Говори, что произошло на самом деле?! — Чао Цы не собирался отступать.

— Эх... господин... ваш брат... он давно скончался... — наконец выдал из себя посланник.

В голове у юноши зашумело, мир вокруг на мгновение потерял очертания.

Раз уж тайна была раскрыта, посланник решил рассказать всё:

— Тот бессмертный, которого Его Превосходительство посылал к вам раньше, погиб от рук демонов в Мире смертных. Мне велели заменить его в спешке, но из-за суматохи не успели ввести в курс дела. Когда через месяц я прибыл к вашему брату, он уже отошёл в мир иной.

— Перед смертью он велел своим людям передать мне наказ. Он боялся, что весть о его кончине убьёт вас, и просил ничего не рассказывать. Он заранее подготовил письма на несколько лет вперёд и умолял меня доставлять вам по одному каждый месяц.

— Но в прошлом вашем письме было слишком много вопросов. Люди в поместье Чао испугались, что вы что-то заподозрите, и попытались подделать почерк, но, как видно...

Он замолчал, опасливо взглянув на Чао Цы.

Юноша долго стоял неподвижно, будто пытаясь осознать весь ужас этих слов.

Он прижал письмо к груди, и слёзы беззвучно покатались по его щекам.

Так вот оно что.

Получив весть о том, что Чао Цы не может вернуться, брат в следующем же письме написал, что ему стало лучше. Какое там «лучше»... Он просто понял, что надежды нет, и не хотел, чтобы младший брат терзался чувством вины перед его кончиной.

А все письма, что приходили после... были лишь тенью ушедшего человека.

— Господин, примите мои соболезнования... Ваш брат при жизни совершил немало благих дел, в Царстве мёртвых его наверняка ждёт достойное перерождение... — видя отчаяние юноши, посланник не на шутку испугался и принялся неумело утешать его.

— Где остальные письма? — Чао Цы поднял на него глаза.

— Всё здесь, — божество вытащило из пространственного мешочка стопку конвертов.

Чао Цы бережно принял их:

— Ты можешь идти.

Посланник замялся, не решаясь оставить его в таком состоянии, но юноша внезапно выкрикнул:

— Я сказал — уходи! Ты что, оглох?!

Божеству ничего не оставалось, кроме как подчиниться.

Когда вокруг воцарилась тишина, Чао Цы, запрокинув голову, медленно опустился на пол в углу пустого зала.

Слёзы хлынули неиссякаемым потоком.

Его брат просто хотел увидеть его в последний раз. Какое же отчаяние он должен был испытать, читая строки о том, что Чао Цы не придёт...

Цзинь Яо.

Он шептал это имя, и в его голосе смешались горечь слёз и металлический привкус крови.

<http://bllate.org/book/15361/1372913>